

Шалыгина Н.В.,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и
антропологии им. Н.Н.Миклухо-
Маклая ИЭА РАН, Россия, г.
Москва*

*Shalygina NV, Candidate of
Historical Sciences, Senior
Researcher of the Institute of
Ethnology and Anthropology. NN
Miklukho-Maklay IEA RAS, Russia,
Moscow*

ЖЕНСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ FEMALE SURVIVAL STRATEGIES

Аннотация: Взаимодействие мужского и женского начал в каждой традиционной культуре подчиняется четкому регулированию полоролевых функций. Установление формы гендерных отношений по принципу господства-подчинения соответствует модели патриархальной культуры, при которой женщине отводилась пассивная роль подчинения, оформленная множеством ритуалов. Женские стратегии выживания – это технологии тайного или явного протеста против патриархальной модели, направленные на формирования гендерного баланса в традиционном обществе

Abstract: The interaction of male and female principles in each traditional culture is subject to a clear regulation of sex role functions. Establishing the form of gender relations according to the principle of domination-subordination corresponds to the model of patriarchal culture, in which the woman was assigned the passive role of subordination, decorated with many rituals. Women's survival

strategies are technologies of secret or explicit protest against the patriarchal model aimed at creating gender balance in traditional society.

Ключевые слова: гендер, ритуал, власть, символы, палеоэтнография, патриархальная культура, женские союзы, инициации, репродукция

Key words: gender, ritual, power, symbols, paleoethnography, patriarchal culture, women's unions, initiation, reproduction

Профессиональная терминология гендерных исследований за последние годы пополнилась одним очень важным словосочетанием – «гендерные стратегии выживания». Понятие, которое легло в основу термина, одновременно охватывает несколько социокультурных процессов. Наиболее актуальными из них являются: конструирование символов в пространстве культуры и «игра смыслами», состоящая из ежедневных действий, ритуалов, формирования социальных ролей, которая реализуется в создании различных моделей поведения.

В известном смысле гендерные стратегии выживания составляют суть ролевого противостояния мужского и женского начал в каждой культуре, суть борьбы за установление отношений господства-подчинения, т.е. выстраивания властных отношений. Поэтому женские стратегии выживания часто сопрягаются с властными стратегиями.

Американская исследовательница, философ Дж. Батлер, анализируя гендерные отношения, пришла к выводу, что гендерные стратегии всегда, во всех культурах конструируются через символы и ритуалы. Форма и смысл гендерной роли никогда не бывают заданы заранее. Они формулируются игровыми и символическими принципами. Как в любых «ритуальных драмах», этот «гендерный перформанс» должен повторяться, что ведет к постоянному «проигрыванию», переживанию социально принятых смыслов, усиливая их кажущуюся естественность. Гендерная идентичность не просто отражается в ритуалах и символах культуры, но, по мысли исследовательницы, «формируется непосредственно в момент их

цитирования»¹.

Стратегии выживания мужчин и женщин различаются по институциональным признакам, социально-экономическому положению, способу воспроизводства и трансляции культурных стандартов, системе регуляции и контроля, профессиональному этосу и т.п. Особенностью как мужской, так и женской стратегий выживания является то, что они одновременно выступают и как личностные, и как социально-культурные ориентации (направленность на достижение желаемого социального положения путем включения в те ли иные социальные группы, стремление к общественным идеалам и принятие конкретных культурных образцов поведения). Развивая и продолжая мысль Дж. Батлер, можно сказать, что, существуя в сфере intersubjectивного сознания – в виде смыслов жизни, картин мира, ожиданий – стратегии выживания осуществляются как на институциональном, так и на субъективном уровнях.

В мифологической традиции женщина вписана в патриархальную картину мира. Как правило, она не выступает в качестве инициатора космогонического прецедента (за исключением зоо- и орнитоморфных образов, например, женского персонажа типа Великой Утки-ныряльщицы, из яйца которой сформировались небо и земная твердь). Обычная мифологическая роль женщины – это героиня-неудачница, союзница или противница мужчины (яркий пример – Тиамат и ее конфликт с Мардуком в древнешумерской поэме «Энума-Элиш»).

Мифы традиционного общества представляют женщину выстраивающей свои жизненные стратегии, согласно условиям «гендерного договора», т.е. по принципу «ты мне – я тебе». «Ты мне» – это требование, которое выдвигает мужчина, предлагая женщине трудиться над воспроизведением его маскулинности всеми возможными способами. «Я

¹ Batler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y.; London: Routledge, 1990. P. 58.

тебе» – это ответственность, которую также берет на себя именно мужчина, обещая женщине заботу и внимание. Женщине отводится пассивная роль жертвы, послушницы, страдальцы.

Так формируется уравновешенная взаимными обязательствами сторон модель «гендерного договора» патриархальной культуры. Правда, «работает» эта модель только тогда, когда существуют соответствующие условия, позволяющие ей функционировать. Условия меняются (война и ее последствия, демографические перекосы, сдвиги в социальной политике) – модель перестает «работать». Не всех женщин устраивала пассивная социальная роль, которая отводилась им патриархальной моделью культуры. Они пытались искать пути самовыражения, самостоятельного социального действия, наконец, доступа к власти. Но эти искания неминуемо приводили к нарушению условий социального договора между полами. Отказ исполнять обязательства договора ставил женщину на грань жизни и смерти, а следовательно, приводил ее к необходимости искать способы выживать в новых социальных и экономических условиях.

Женские стратегии выживания – это технологии тайного или явного протеста против патриархальной модели и нарушение баланса гендерной системы общества. Этнографические и палеоэтнографические материалы дают возможность судить о том, что уже в обществах охотников и собирателей можно выявить такие женские стратегии выживания, которые были ориентированы на формирование активной социальной позиции женщин, прежде всего – в трудовом процессе. Это может быть объяснено тем, что женщина была включена в систему жизнеобеспечения наравне с мужчиной: участвовала в «охоте», занимаясь собирательством, которое давало ощутимый объем пищевых ресурсов.

Более того, в зависимости от конкретных природных условий, женщина нередко занималась и более приоритетными, по сравнению с мужчиной, формами жизнеобеспечения. Так, Маргарет Мид в 1935 г.

описала африканское племя тчамбули, где наблюдала обратное распределение ролей: женщины ловили рыбу и торговали, а мужчины занимались украшениями и «обдумыванием праздничных церемоний»². В племени арапешей мужчины и женщины вообще все делали совместно, что, кстати, способствовало доминированию женских ролей в обществе и приоритетности женских черт характера³. И подобных примеров этнография знает немало.

В обществах земледельцев сформировались иные женские стратегии выживания – патриархатные. В патриархальных системах родового общества женщинам было предписано подчинение мужчине. Услужение ему и повседневный альтруизм воспринимались в культурах этого круга как норма и единственная модель женского поведения. Гендерная традиция обществ этого типа сформировала оценку социальной значимости мужчины по «модели труда», а женщины – по «модели пола»⁴.

Воспитывались женские качества весьма целенаправленно. В Западной Африке, например, один из самых известных женских союзов – союз Бунду – фактически представлял собой обучающую систему для девочек, где их учили не только домоводству, танцам, играм, но и нормам супружеской жизни, соблюдению тонкостей субординации во взаимоотношениях с мужчиной. Обучение, окруженное атмосферой таинственности, заканчивалось обрезанием. Все ритуальные предметы после этого уничтожались. Только после такого обучения девушки получали статус взрослой женщины и могли вступать в брак. Предполагалось, что усвоение учебного материала происходило не только на ментальном, но и на сакральном уровне, а, значит, не подлежало изменениям.

Женские союзы, аналогичные Бунду, существовали и в Меланезии, и у

² Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. N.Y., 1935.

³ Ibid

⁴ Хасбулатова О.А. Социально-половой статус женщины в исторической ретроспективе. Иваново, 1997. С. 9–10

папуасов Новой Гвинеи, и у индейцев Северной Америки, и во многих других традиционных обществах мира. Приобщение девушек к таинствам женского поведения требовало от них недюжинной выносливости, сноровки, а главное терпения. Процесс обучения моделировал (и не только в символической форме) те трудности, с которыми женщине предстояло столкнуться в реальной жизни рядом с мужчиной, а также давал рекомендации по преодолению этих трудностей. Сценарий женского инициационного обряда, например, у индейцев Южной Калифорнии включал пребывание испытуемой в яме в течение 10 дней, причем тело ее было засыпано землей. Предполагалось, что никаких отрицательных эмоций по поводу столь сурового испытания девушка не выкажет, а в последующем сумеет справиться с собой и в других, не менее (если не более) сложных ситуациях.

Патриархатные поведенческие стереотипы сформировали концепцию «вторичности женщины» и, так называемый, хабитус женщины (термин, введенный уже в XX в. французским социологом Пьером Бурдьё). Женский хабитус формировался в патриархальной среде через индивидуальные и коллективные каналы социализации как система диспозиций, порождающая и структурирующая повседневную практику человека, его представления. Это система приобретенных прочных предрасположенностей, принципов и представлений, которые используются для достижения конкретных результатов.

В современном мире традиционные патриархатные стратегии выживания сосуществуют с новаторскими. Часто новаторские стратегии называют феминистскими. Любое социально значимое действие женщины, которое направлено против патриархальных устоев культуры, в том числе и условий «гендерного договора», предусматривающего, прежде всего, выполнение правил трудового соглашения между полами, рассматривается теоретиками феминизма как политическое. Такие действия всегда ставят под

вопрос принципы и основы существования политических институтов и призывают к их переосмыслению. Если сегодня женщина приходит во власть, то социологи, а за ними журналисты, называют этот процесс политической деятельностью. На практике сегодня, как и в более ранние эпохи, стремление женщин приобщиться к политической деятельности, т.е. «войти во власть», осуществляется путем использования стратегий выживания как патриархатного, так и новаторского типов, в зависимости от ситуации⁵.

Таким образом, женские стратегии выживания и сопряженные с ними властные стратегии, предполагающие реализацию комплексов доминирования, – это культурный феномен, который воплощает принцип культурного (символического), а не биологического (витального) доминирования и разворачивается на инстинктивно-витальном, (в основном, репродуктивном) уровне.

Библиография.

1. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.; London: Routledge, 1990. P. 58.
2. Mead M. A reply to a review of “Sex and Temperament in Three Primitive Societies”.— *American Anthropologist*. 1937, vol. 39, с. 559.
- 3 Mead M. The swaddling hypothesis: Its reception. — *American Anthropologist*. 1954, vol. 56, с. 395—409.
- 4 Хасбулатова О.А. Социально-половой статус женщины в исторической ретроспективе. Иваново, 1997. С. 9–10.
- 5 Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. С. 309.

⁵ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. С. 309